

№ 34.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

23-го Августа,

1863 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эри-
ванской площади, въ домѣ
Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно
отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 ча-
совъ вечера.

Цѣна отдельного номера 20 к.

ФАЛАНГА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРISTИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р. — к.
" 6 мѣсяцевъ	4 " 50 "
" 3 мѣсяца	2 " 50 "

Съ разсылькою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р. 50 к.
" 6 мѣсяцевъ	5 " " 75 "
" 3 мѣсяца	2 " " 75 "

Съ правомъ поступленія въ другіе университеты.

ФИАЛКА И РОЗА

„Фіалка бѣдная моя,
Смотрю я съ грустью на тебя...
Какой ты некрасивой стала!
Ты постарѣла и завяла
Какъ разъ въ тѣ дни, когда вокругъ
Природа ласкою сіяетъ
И яркимъ блескомъ озаряетъ
Роскошный цвѣтъ твоихъ подругъ“.
„Ты слишкомъ страстно жить спѣшила

И листъ свой нѣжный распустила
Въ тѣ дни тяжелые, когда
Межу сурою зимою
И вѣчно ясною весною
Кипѣла дикая вражда.
Не разъ холодною рукою
Тебя давилъ сѣдой морозъ,
Не разъ согибалъ тебя дугою
Порывъ могучихъ первыхъ грозъ.
Зачѣмъ ты жизнью рисковала?...
Зачѣмъ тепла не выжидала?...
Примѣръ брала бы ты съ меня...
Я къ жизни не рвалась ретиво,
А дождалася терпѣливо
Благоухающаго дня,
И въ знойномъ, солнечномъ саду
Безъ страха листъ свой распус-
тила.....“

Такъ Роза яркая въ саду
Фіалкѣ бѣдной говорила.

**

„Да, Роза милая моя,
Съ тобой вполнѣ согласна я...
Когда-бѣ расцвѣсть я не спѣшила
И тѣмъ себя не погубила,
Теперь бы съ гордостью, какъ ты,
Я красотой своей сіяла
И съ тихой нѣгой распускала
Подъ солнцемъ ласковымъ листы.“

„Я извела себя борѣбою,
Но я горжусь своей судбою:
Подъ игомъ ледяныхъ оковъ,
Во время зимней непогоды,
Про обновленіе природы
Заговорила я безъ словъ;
Тепло и счастье я сулила,
Навѣявшись радужные сны,
И мертвый воздухъ оживила
Благоуханіемъ весны;
Я не боялась грозныхъ тучъ;
Какъ неба яснаго избранникъ,
Какъ первый радостный посланникъ,

Зажгла въ сердцахъ я счастья лучъ...
Мечтой гонимая свободной,
Зимѣ угрюмой и холодной
Открыто выразивъ вражду,
Подъ снѣгомъ я благоухала... ..“
Фіалка бѣдная въ саду
Такъ розѣ яркой отвѣчала.

Горесмѣховъ.

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНИЕМЪ „МИНУТЫ“

Въ честномъ, высоко-нравственномъ, патріотическомъ органѣ честного, высоконравственного патріота, г. Баталина, мы нашли въ высшей степени мѣткое, остроумное и глубоко-добропровѣстное обличительное слово по поводу необузданыхъ выходокъ нашей крикливо-мальчишеской, верхушечно-либеральной печати, привыкшей брызгать на своихъ читателей злобною ложью и наглою клеветою. Правда, испанная этой печатью, должна быть восстановлена, и никто другой, какъ именно г. Баталинъ является ея восстановителемъ. Благодаримъ его, тысячу разъ благодаримъ, отъ лица всѣхъ истинныхъ русскихъ патріотовъ благодаримъ!...

Вотъ, какъ въ № 205 „Минуты“, отъ 14 августа, г. Баталинъ справедливо бичуетъ „Отечественные Записки“, этотъ злонамѣренный, одряхлѣвшій въ порокахъ органъ лжи и смуты; вотъ, какъ онъ выставляется на общій позоръ и осмѣяніе сужденія органа безнравственного Щедрина — читайте, господа патріоты, и умилайтесь:

„Изъ массы либеральныхъ газетъ и газетокъ, въ какую ни взгляни — вѣздѣ Собакевичъ: то пишетъ передовую статью, то фельетончикъ, то вѣвсякихъ рубрикъ и приличій полемизируетъ съ „московскою печатью“. Не знаешь, что подумать: Собакевичъ ли превратился въ либерала, или либералъ въ Собакевича, но только между ними установилось близкое родство, и отъ самаго не-примиримаго либерала пахнетъ самымъ горячимъ Собакевичемъ. Языкъ господина Собакевича, свирѣпѣющаго въ либеральной печати, сдѣлся кратокъ и выразителенъ. Вотъ образцы его, почерпнутые однимъ московскимъ обозрѣвателемъ журналистики изъ „Отеч. Записокъ“:

„Все прогнило. Нѣть ни совѣсти, ни чести. Мужикъ одичалъ и спился. Дворянство утратило всякое чувство нравственного долга. Купечество развратилось и насквозь проникается противообщественными вожделѣніями. Идеалы меркнутъ. Финансы гадки. Долги растутъ. Кредитъ падаетъ. Дильтеритъ губитъ девять-десятихъ крестьянскихъ дѣтей. Пожары, голодъ и кабакъ свирѣпствуютъ по всему пространству великой и малой, и бѣлой Россіи... Гимназии плодятъ идіотовъ. Университеты порабощены. Интеллигенція отсутствуетъ. Честная мысль цѣненѣеть“.

„Собакевичъ безбожно вретъ на каждомъ словѣ; но онъ такъ раскипятился и вошелъ въ ударъ, что остановить его нѣть никакой возможности“.

Ну, не правъ ли, не справедливъ ли, какъ Соломонъ, высокодобрѣтельный г. Баталинъ, выставляя на общій позоръ эти лживыя до послѣдняго слова строки злонамѣ-

ренныхъ „Записокъ“, не стыдящихся разъ-
вать себя „Отечественными“?!... Онъ правъ,
онъ тысячу разъ правъ!... Онъ ошибается
только въ одномъ... Онъ ошибается, говоря,
что остановить такого расходившагося ли-
берала нѣть никакой возможности. Оста-
новить всегда возможно; средствъ суще-
ствуетъ множество и средствъ самихъ вѣ-
рныхъ и прямо ведущихъ къ цѣли. Г. Ба-
талинъ, какъ истинный патріотъ, служив-
шій дѣлу патріотизма, въ самомъ тѣс-
номъ смыслѣ этого выраженія, долженъ хо-
рошо знать всѣ эти средства... Но чортъ съ
ними, съ этими врагами отечества!.. Пусть
кричатъ, что хотятъ... Имъ никто не повѣ-
ритъ, потому-что есть г. Баталинъ, который
ихъ опровергнетъ и которому повѣрять всѣ,
такъ какъ нельзѧ не вѣрить такому честно-
му, такому нравственному, такому правди-
вому человѣку и писателю, какъ г. Бата-
линъ.

Г. Баталинъ говоритъ, что приведенный имъ строки „Отечественныхъ Записокъ“ без-
божно врутъ на каждомъ словѣ. Мы вѣримъ
ему. Мы вѣримъ, что въ наше радужное
время можно говорить только устами Мани-
лова, а ужъ никакъ не Собакевича. Поэтому „Фаланга“ считаетъ своимъ долгомъ дру-
жески помочь г. Баталину въ дѣлѣ возста-
новленія истины и замѣняетъ лживыя стро-
ки „Отечественныхъ Записокъ“ слѣдующими
правдивыми:

Все молодо и свѣжо. Во всемъ проявляет-
ся чистая совѣсть и высокая честь. Мужикъ
цивилизовался и хмѣльного въ ротѣ не
беретъ. Дворянство прочно усвоило себѣ
чувство нравственного долга. Купечество
блещетъ добродѣтелями и насквозь прони-
кается идеей народнаго блага. Идеалы ста-
новятся все яснѣе и яснѣе. Финансы въ
блестящемъ состояніи. Долги уменьшаются.
Кредитъ растетъ. Всѣ живутъ до глубокой ста-
рості. Довольство, благосостояніе и счастье
господствуютъ по всему пространству вели-
кой и малой, и бѣлой Россіи... Гимназии пло-
дятъ мудрецовъ. Университеты пользуются
широкими правами. Интеллигенція ликуетъ.
Честная мысль торжествуетъ.

Вотъ она — правда, которую мы нашли, на-
конецъ, благодаря г. Баталину. Да и какъ же
не сказать: „честная мысль торжествуетъ“,
когда такие добросовѣстные, нравственные и
правдивые люди, какъ г. Баталинъ, стоятъ
во главѣ большихъ газетъ!..

ОДНОЙ ИЗЪ МНОГИХЪ

Она трудясь идетъ впередъ;
Къ семейнымъ и житейскимъ путамъ
Питая ненависть, ихъ рветъ;
А если даже и падетъ,
То безопасно, съ парашютомъ.

Д. М.

РАЕШНИКЪ „ФАЛАНГИ“

Господа честные, подходите,—веселыхъ картинокъ посмотрите! Получилъ я позволеніе показать вамъ мѣста общественнаго увеселенія, по обѣ стороны Куры, гдѣ по вечерамъ тифлисцы отдыхаютъ отъ жары.

Начинаю.

А вотъ передъ вами Александровскій садъ, насаженъ лѣтъ 25 тому назадъ; какъ видите, садъ не тѣнистый, но содержитъ—ничего, чисто. Каждый вечеръ въ немъ два хора музыки играютъ, публику привлекаютъ; гремитъ музыка безъ умолку, но для содержателя ротонды все-же мало толку... Только нянки съ дѣтьми здѣсь гуляютъ, да штабные писаря ихъ сѣмечками угощаютъ.

А вотъ садъ театральный, съ пѣкоторыхъ поръ для всѣхъ фатальный. Кто въ немъ гулянье назначить, тотъ и плачетъ: всякий разъ неизрѣмѣнно въ этотъ день дождь пойдетъ и у публики охоту гулять отобѣсть. Ужъ, видно, нашъ театръ въ этомъ году съ самимъ небомъ не въ ладу! Вотъ, глядите, даетъ въ немъ концертъ питерская пѣвица Макарова, не поетъ ничего старого, все только новое, тифлисской публикѣ неизвѣстное—самое, значитъ, интересное, а съ нею еще сестра—шанистка, тоже извѣстная артистка, да еще голосистый пѣвецъ Май-богородъ. Обѣздили они многіе города, вездѣ деньги загребали, а съ Тифлисомъ прогадали: ишь, какъ мало публики! Всѣ обычные концерты посѣтители, знатоки и цѣнители, перебрались на дачи, вотъ и нѣтъ пѣвцамъ никакой удачи!

По эту сторону Куры есть еще одинъ садъ—Ботанический, да ужъ болѣе романтическій! Поглядите и сами посудите: тутъ прогалина, тамъ развалина. И весь-то онъ расположенъ на склонѣ горы: хоть видѣ изъ него на Тифлисъ чудный, да путь къ нему трудный... Изволь взбираться, въ лѣтнюю пору, на эдакую гору, почти одной высоты съ горою Давида. Не захочешь и вида!

Теперь покажу я вамъ сады въ Колоніи; вдыхая по пути овощныхъ лавокъ зловоніе, каждый вечеръ публика въ эти сады спѣшилъ, на фаэтонахъ вскачь летить... по-тифлисски!

Вотъ вамъ, для начала, садъ семейный, „бывшій Сан-Суси“, гдѣ бывало прежде—Боже упаси! А теперь онъ вошелъ въ моду, смотрите, сколько въ немъ всяко го народа! Садъ-то не даромъ „Семейнымъ“ называется: артисты въ немъ цѣлыми „семействами“ подвизаются... Сперва здѣсь семейство Верони-Вестъ танцевало и на колокольчикахъ играло; потомъ братья Эженъ по проволокѣ ходили, тифлисскихъ дамъ въ восторгъ приводили. А теперь, какъ видите, Деккеръ-Шенкъ супруги предложили содержателю сада свои услуги: онъ оркестромъ

управляетъ, она—игривыя шансонетки басомъ распѣваются, а глѣ голосу не хватаетъ, тамъ жестомъ выразительно поясняется. Публика—ничего, одобряетъ!..

А вотъ еще тутъ-же лѣтняя резиденція тифлисского собранія, гдѣ прощесть винтоманія... Смотрите, какъ здѣшніе и прѣѣзжіе господа сражаются, другъ друга перевинтить стараются. А въ малой ротондѣ вотъ играютъ въ народы и поютъ кавказкіе барды: во все горло кричатъ, наѣрываютъ... (сазандарами прозываются). Тутъ мѣстные жители любимыя пѣсни слушаютъ и любимыя кушанья кушаютъ. Кстати: ежели вамъ нуженъ недорогой и вкусный ужинъ, прямо сюда идите,—и дешево, и сердито!

А вотъ и веселый „Эльдорадо“ садъ—веселый и не надо! Надѣ воротами фонарики качаются, а у воротъ сами полицейскіе стоятъ, улыбаются... „Входите, моль,—мѣсто безошибочное, фонари только красные“... Здѣсь ежедневно бываетъ два представленія, для вящшаго увеселенія: сперва поютъ дѣвицы Биберти, надоѣли всѣмъ до смерти, никто ихъ слушать не желаетъ и всѣ имъ пѣть мѣшаютъ, такъ что онъ вскорѣ умолкаютъ. Тогда другое представленіе начинается и ужъ вплоть до утра продолжается. Господа, какъ слѣдуетъ, гуляютъ, всячески себя увеселяютъ: безобразничать рады, сами дурачатся съ эстрады; а ужъ какъ напиваются—еле до дома добираются! Надняхъ въ этомъ же „Эльдорадо“ назначили два маскарада (должно полагать, для прохлады)... Вышла афишка печатная, очено занятная: масокъ, моль, снимать не позволяетъ и собакъ вводить воспрещается.

А вотъ, во едину субботу, подъ звуки галопа, кутятъ господа въ саду „Европа“. Полюбуйтесь аллеями сада, да бесѣдками изъ винограда. Славная бесѣдка! да жаль, посѣтители въ нихъ въ прочіе дни рѣдки. Прежде этотъ садъ приличнымъ считался, семейными людьми посѣщался; жены сами наставали, чтобы мужья для нихъ пикники здѣсь устраивали... А теперь пошли всякия преграды, съ тѣхъ поръ, какъ тамъ завелись субботніе маскарады. Какъ только наступаетъ суббота, такъ у русскихъ женъ одна забота: какъ бы мужья дорогу въ „Европу“ забыли и мирно въ „Кружкѣ“ бы винтили, предоставивъ Азіи европейскія безо разія...

Есть еще, все по той-же Михайловской улицѣ, сады подъ разными названіями, славящіеся обильными волнистыми... Но показывать ихъ вамъ не може: битье по рожѣ здѣсь дѣло обычное, для ихъ посѣтителей привычное... И глядѣть опасно! Пожалуй, для торжества добродѣтели, въ судъ позовутъ во свидѣтели!

Коли въ сторону свернуть, можно бы и въ мѣстный Кружокъ заглянуть, да „Фалангѣ“ меня предупредиша, въ 29 № Чемодановскій

рисунокъ „Кружка“ помѣстила. Тамъ и смортите. Ужинать же въ Кружокѣ не ходите!

Не совсѣту.

Теперь, господа, послѣдній видъ: передъ вами роскошный паркъ „Муштаидъ“, для прогулокъ вполнѣ удобный, Булонскому лѣсу подобный. Весною здѣсь весь Тифлис катается, сыростью упивается, катаррами запасается; дамы другъ другу пыль въ глаза пускаютъ, нарядами щеголяютъ... А теперь, глядите, пустымъ стоитъ, — каждый скорѣй въ Эльдорадо наровитъ. А причина подобнаго запустѣнія произошла отъ полнѣшаго неумѣнія. Хозяинъ здѣшняго ресторана подъ вывеской „Буфетъ Надежда“, очевидно, круглый невѣжда: буфетъ содержитъ, а пѣвицъ не держитъ,—эдакое упущеніе!

Засимъ, просимъ прощенія! Картины хоть и не ахтительныя, да для сердца угодительныя, для ума не обременительныя, а главное—не предосудительныя! Можете спать спокойно: даже Катковъ догадается, что въ нихъ ничего не проразумѣвается.

Закрываю!

Иванъ—да—Марья.

Нѣкоторыя болѣзни нашихъ дней.

Черная немоха, или падучая—развита въ средѣ поклонниковъ Бахуса. Человѣкъ заболѣваетъ ею мгновенно, послѣ тридцать шестой рюмки „очищенного“. Проходить она быстро, съ помощью сельтерской или обыкновенной холодной воды. Главная причина этой болѣзни—недостатокъ хорошаго воспитанія, ибо человѣкъ хорошо воспитанный напивается всегда шампанскимъ, а отнюдь не очищеннымъ, отъ котораго таѣтъ гадко пахнетъ... Второстепенными причинами являются: „распроклятое житѣе“, неудачи въ жизни и т. д.

Зубная боль—больѣ всего развита въ средѣ купеческихъ мальчиковъ. Можетъ также заболѣть ею солдатъ, не угодившій чѣмъ-нибудь ротному командиру; поражаетъ она внезапно и субъекта только-что „передергнувшаго“ въ карточной игрѣ, и т. д. Такъ какъ болѣзнь эта эпидемическаго характера, то всѣ существующія противъ нея мѣры болѣе или менѣе недѣйствительны.

Роже—очень гадкая болѣзнь. Ею поражены бывають исключительно старыя дѣвицы, черезъ что и лишаются надежды выйти когда-либо замужъ. Эта болѣзнь замѣчательна тѣмъ, что неизлечима.

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ.

— Ваше благородие, письмо Егоровнъ, надо быть, отъ сына; отдать, што-ли?
 — Дай-ка сюда, нѣтъ-ли тутъ чего такого.

Мѣсто дѣйствія—книжный магазинъ въ г. Козловѣ.

ЗАМѢЩАЮЩІЙ
ЗОДѢПОМОІІ

— А дай ты мнѣ, братець, разныхъ классическихъ авторовъ, въ родѣ Монтенея, Понсонъ-дю-Террайля и Поль-де-Кока.

— Не угодно ли вамъ, ваше п—ство, и послѣднее изданіе Стасюлевича, сочиненія Некрасова?

— Предложеніе произвело необычайный эффектъ. Ругнувъ Некрасова мужикомъ, съ присоединеніемъ крѣпкихъ и неудобосказуемыхъ эпитетовъ, превосходительная особа такъ расходилась, такъ расходилась, что бѣдный прикащикъ на вѣки вѣчные далъ непримѣную клятву никогда впредь не мѣшать Некрасова съ такими классическими авторами, какъ Понсонъ-дю-Террайль, Монтенея и Поль-де-Кока.

ОБЪ ЭКСЕНТРИЧНОСТИ АМЕРИКАНЦЕВЪ

Не успели мы прочесть извѣстія о бѣгствѣ Гартмана въ Канаду и о готовности правительства сѣверо-американскихъ штатовъ выдать его русскому правительству, какъ пришла телеграмма международнаго агентства, сообщающая о добровольномъ возвращеніи Гартмана въ Нью-Йоркъ и о желаніи его сдѣлаться американскимъ гражданиномъ. Русскій цареубійца не боится американского суда и изъявляетъ готовность „испытать на себѣ силу американскихъ законовъ“.

Инымъ читателямъ это извѣстіе можетъ показаться очевидною уткою. Американцы въ настоящее время злы на всевозможныхъ бунтовщиковъ, тѣмъ болѣе, что рана Гарфильда, въ концѣ концовъ, оказывается смертельной. При такомъ настроеніи американского общества, упомянутый поступокъ Гартмана является, повидимому, чистѣйшимъ сумасбродствомъ. Но едва ли справедливы таинія сомнѣнія относительно вѣроятности послѣдняго... Нужно только вспомнить, что американцы донельзя эксцентричны и въ оригинальничаны перещеголяли своихъ атлантическихъ братьевъ-англичанъ, не лишенныхъ своеобразныхъ, чтобы не сказать дикихъ, взглядовъ на право убѣжища для политическихъ преступниковъ. Мы здѣсь говоримъ, конечно, не о правительстве. Правительства, какъ англійское, такъ и американское, весьма благонамѣренны и готовы угодить всѣмъ державамъ въ мірѣ; но бѣла въ томъ, что правительство тамъ является слугою общества и обязано исполнять даже народная прихоти, и горе тому начальству, которое пойдетъ наперекоръ требованіямъ большинства.

Для доказательства этого, мы приводимъ одинъ фактъ изъ исторіи, надѣлавшій въ свое время въ Европѣ очень много шуму.

Извѣстно, что Орсини съ товарищами составилъ заговоръ противъ жизни Наполеона III въ Лондонѣ и что, послѣ покушенія, многие изъ участниковъ заговора пребывали именно въ этомъ городѣ. Баденге, сильнѣйшій въ то время въ Европѣ государь, слѣдъ англійскому правительству трэзпныя ноты о выдачѣ преступниковъ, и тогдашній премьеръ, лордъ Пальмерстонъ, подъ давленіемъ этихъ нотъ, внесъ въ парламентъ предложеніе обѣ отмѣнѣ старого англійского закона, предоставившаго въ Англіи политическому преступнику-иностранцу право убѣжища. Но заволновалось общество, начали подготовляться многолюдные митинги противъ предложенія Пальмерстона, заужажали почти всѣ газеты, народъ избилъ французскихъ агентовъ, присланныхъ въ Лондонъ (ихъ въ то время лондонцы имѣли дерзость называть „шиюнами“), и въ результатѣ отъ такой борбы дипломатія съ

Джонъ-Булемъ получилось лишь паденіе министерства Пальмерстона и оправданіе судомъ присяжныхъ д-ра Бернара, известного сообщника Орсіни.

А американцы, какъ соперники англичанъ, захотятъ пожалуй перещеголять ихъ въ такомъ сумасбродствѣ: у нихъ Гартманъ, пожалуй, не только будетъ принять въ число американскихъ гражданъ, но и получить гильдейское свидѣтельство на открытие фабрики адскихъ машинъ.

Нужно лишь помнить, что у американцевъ, вопреки извѣстному философскому изрѣченію, говорится: „все невозможное—возможно“.

Езопъ.

НАМЪ ПИШУТЬ

Изъ Ростова-на-Дону. Весною этого года нашъ городской голова уѣхалъ изъ города. Заступающій мѣсто городского головы занялъ его постъ. 20 числа ему преподносятъ списки жалованья служащимъ въ городской управѣ, въ томъ числѣ и ему, какъ городскому головѣ. Подписалъ, получилъ и расписался. Проходитъ мѣсяцъ, голова (дѣйствительный) еще не приѣхалъ, а исправляющій должность продолжаетъ управлять городомъ. Второй списокъ жалованья подписалъ, получилъ и расписался! Чрезъ нѣсколько дней приѣзжаетъ дѣйствительный голова, и заступающій мѣсто передаетъ ему бразды правленія. Дѣйствительный пишетъ ордеръ на кассу и получаетъ за все время отсутствія своего жалованье полностью, что-то около 800 р. Тутъ, казалось бы, и дѣлу всему конецъ, какъ вдругъ, въ одномъ изъ засѣданій ревизіонной комиссіи возникаетъ такой вопросъ: отчего это за такой-то мѣсяцъ исправляющимъ должность городского головы получено жалованье, и за тоже время городской голова тоже получилъ жалованье?

Кинулись къ исправлявшему должность городского головы.

— Будьте благодѣтелемъ, не дайте на посѣщеніе всей Россіи, возвратите деньги въ кассу!

— За что? Вы сами-же мнѣ дали, я не просилъ ихъ. Пусть отдастъ городской голова, а я,—чтобы городъ не сказалъ, что я заинтересовался 800 рублейми,—внесу ихъ сегодня-же въ какое-либо благотворительное учрежденіе.

Пошли къ настоящему головѣ.

— Такъ и такъ, вашъ собратъ не возвращается, потрудитесь возвратить!

— Ни-ни! Какое мнѣ дѣло? По закону я 28 дней могу нѣть на службѣ и сохраняю за собою жалованье! Да, наконецъ, у меня идетъ постройка, и мнѣ деньги до зарѣза нужны.

И правъ!

Повѣся носы, поплелись члены управы и порѣшили собрать общую думу...

Владѣлецъ кабачка подъ фирмой „Каскада“ Вагнеръ, пригласилъ недавно въ свой «театръ» русскую оперу, состоящую изъ гг. Махиной, Кочетовой, Фютера и Додонова, на условіяхъ полученія ими полусбора съ каждаго спектакля. Когда шелъ еще первый спектакль, по Ростову были расклеены афиши втораго. По окончаніи первого спектакля Вагнеръ артистамъ денегъ не далъ, за что былъ ими публично избитъ. Артисты пришлось дать второй вечеръ; но послѣ втораго вечера повторилась также исторія, т. е. Вагнеръ не далъ артистамъ денегъ, а артисты вторично побили Вагнера.

Око за око, зубъ за зубъ!

Тпру.

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ

Собралась на баль Аннета—

Вся красой блеститъ!..

Что за прелесть шейки, плеч къ,

Розовыхъ ланитъ!..

Вотъ она совсѣмъ готова—

Конченъ туалетъ.

О, Аннетѣ, право, только...

Только... двадцать лѣтъ!

**

Послѣ вальса у Аннеты

Щечки ужъ не тѣ...

Ибо пудра измѣняетъ

Дивной красотѣ!

Исчезаетъ по-немногу

Кожи пѣжнѣй цвѣтъ...

Эге-г... да ей, пожалуй,

Двадцать пять ужъ лѣтъ!..

**

Послѣ польки у Аннеты

Гаснетъ чудный взглядъ.

Я смотрю... и удивленъ,

Какъ отнемъ, обять...

Не пойму подобной вещи!

Въ чемъ-же тутъ секретъ?..

О, Аннетѣ, я ручаюсь,

Есть ужъ тридцать лѣтъ!

**

За кадрилью бюстъ Аннеты

Какъ-то расплылся.

Гдѣ-жъ твоя, мой другъ, Аннета,

Прежняя краса?!

А потомъ замѣтилъ тонкій

Я морщинокъ слѣдъ.

Да тебѣ, Аннета, право,

Тридцать пять ужъ лѣтъ!..

**

Конченъ балъ. Огни ужъ гаснутъ.

Всѣ спѣшатъ домой.

Я смотрю... и что-же вижу!..

О, создатель мой!

Прежнихъ прелестей въ Аннетѣ

И слѣда ужъ нѣть.

Эге-г... да ей, ей Богу,

Полныхъ сорокъ лѣтъ!..

Атомъ.

ПО ОБРАЗОВАННОМУ

(ЭСКИЗ СЪ НАТУРЫ)

ЭКСПРЕСС
ЗДАЧА ПОДГОТОВКА

— Ты, Прохоръ Терентьевичъ, какъ хочешь, а меня пусты сегодня къ Троицѣ. Я ужъ безъ тебя порѣшила, что пустыши, и собираясь стала. Сегодня-же и поѣду! — говоритъ молоденькая, нарядная трактирщица своему пожилому, недавно разбогатѣвшему мужу, только что ввалившемуся въ домъ съ покупками.

Ея маленькие, черные, вызывающіе глазки блестятъ, яркій румянецъ заливаетъ пухленькія съ ямочками щечки. Во всей ея миниатюрной,стройной фігуркѣ замѣтно оживленіе и волненіе.

— Это еще что за выдумки!.. не сидится дома. Онть новая затѣя... проказница право!! — улыбнулся мужъ, устанавливая на стулъ кулекъ съ покупками... Поди-ко, вотъ, лучше развязи покупки да убери. Тутъ и гостинчики тебѣ: пастила, изюмецъ, орѣшки...

— А ужъ къ Троицѣ-то всетаки пусты, Прохоръ Терентьевичъ, хоть на одинъ денекъ. Христомъ Богомъ тебя молю... Явленность объявила... — говоритъ она, торопливо развязывая кулекъ и вскидывая на мужа свои быстрые, сверкающіе глазки.

— Ладно... Вотъ тебѣ поѣзда тутъ въ кульке, кушай на здоровье.. Я и калачей отъ Филиппова купилъ... гор-я-ченкіе... и пастилу въ Охотномъ покупалъ... чуд-де снѣйшая... Пальчики облизешь...

— Ты мнѣ своими калачами да пастилой зу-бы-то не заговаривай, я твои хитрости хорошо понимаю... Не проведешь... Теперече совсѣмъ не такое время, чтобы пастилой баловаться. У Троицы явленность объявила; всѣ образованные люди слома голову летять туда... А я по-твоему дома сиди съ пастилой, да глазами, какъ неучка хлопай!..

— Да что-жъ это за явленность такая? откуда ты ее взяла? во снѣ что ли пригрезилось?.. проговорилъ мужъ, усаживаясь на стулъ и поглаживая свою русую окладистую бороду.

— Во снѣ!! Какія у тебя вѣчно неделикатныя, необразованныя слова!.. вспылила его хорошенъкая женка... Будто ужъ такъ ничего и не слыхаѣтъ, что Филаретъ-батюшка у Троицы живымъ изъ гроба возсталъ и въ святыхъ объявился!..

— Чѣ?.. Филаретъ-батюшка изъ гроба возсталъ и въ живыхъ объявился?.. съ чего ты это говоришь?.. врешь!..

— Ей-Богу, вотъ тебѣ крестъ честной, не вру... перекрестилась она... Кого хошь, спроси, всѣ тебѣ тоже скажутъ... а мы тутъ одни съ тобой воронами сидимъ, ничего, что на свѣтѣ бѣломъ дѣлается, не знаемъ...

— Да отъ кого-то твоя милость провѣдать-то все изволила?

— Отъ кого-бѣ ни провѣдала, да провѣдала. Это ужъ мое дѣло, а ты только пусты меня къ Троицѣ, потому мнѣ не вѣрить...

— О, Господи!!.. Да объясни ты мнѣ толкомъ, какъ все это дѣло было?

— Да такъ и было... Вотъ, напримѣръ, приходятъ сегодня двое господъ къ Троицѣ въ церковь и говорятъ монаху: „отслужи ты намъ, батюшка, панихиду по высокопреосвященнѣйшему Филарету“. А онъ: „ладно, отслужимъ“... и пошелъ въ алтарь. Взялъ оттуда молитвенникъ, кадило и все, что ему нужно, и приходитъ къ гробу. Только глядѣ, и своимъ глазамъ не вѣрить: крышка у гроба приподнята. Онъ и такъ, и сякъ, со всѣхъ сторонъ оглядывается, рукой щупаетъ... Думаетъ, не затмѣніе ли какое.. Нѣть, какъ есть, взаправду приподнята. Онъ и говорить этимъ самымъ господамъ: „подождите, мои судари, маленько, не можна теперече служить панихиду... Что-то не лад-

но... что то такое приключилось дивное...“ И тѣмъ же слѣдомъ побѣжалъ къ настоятелю, доложилъ ему обо всемъ. Настоятель прибѣгъ ко гробу, глядѣть, дѣйствительно крышка приподнята... Онъ скорѣй въ Москву далъ знать. Изъ Москвы тѣмъ же слѣдомъ архиерей приѣзжаетъ, и тоже самое увидалъ. Тутъ, ну давай все осматривать, да оглядывать,—диво да и только!.. Открыли гробъ, анъ тамъ пусто,—Филарета-батюшки и помину нѣтъ... Ни креста, ни евангелія, что съ нимъ въ гробѣ лежали, не обрѣлось.. ни даже клочека отъ его одѣянія не осталось,—ничего... чисто... Какъ былъ онъ, батюшка, во всемъ облаченіи, со крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, такъ и возсталъ изъ гроба.

— О, Господи!.. перекрестился мужъ. Да самъ-то онъ, батюшка, гдѣ обрѣтается?.. видѣлъ его кто?

— Никто и тѣни не видалъ... Ушелъ...

— Куда-жъ ушелъ-то?

— Извѣстно, куда,—въ Питеръ...

— Вотъ дѣла-то дивныхъ.. Господи!.. Царица Небесная!.. уму непостижимо... снова перекрестился онъ... Вотъ у Троицы-то и объявить себя не захотѣлъ, ушелъ... Чудеса!!!.. Ну, пождемъ, какой приказъ отъ святѣйшаго сунода выйдетъ, а намъ, какъ ни ворочай своими мозгами, этого предмета не обнѣть: неравно вѣ заблужденіе или въ сбазнѣ какой впадешь... Непостижимо!!!..

— Вотъ теперь и самъ видишь, что явленность самая что ни есть настоящая... Ужъ меня отпусти сегодня къ Троицѣ, потому, не для баловства прошу... самъ видишь...

— Гм...

— Сегодня послѣ обѣда и поѣду, у меня и сакѣ-вояжикъ ужъ уложенъ... А ты мнѣ свои препятствия, Христомъ Богомъ тебя прошу, не представляй, потому, все едино, не послушаюсь...

— Гм...

— Да что-жъ ты мычишь-то? У боровъ штоли въ деревнѣ научился, живуши въ мужицкомъ положеніи! Какъ это я, городская, мычанье-то твоє деревенское буду понимать?.. Чай, у тебя окромя его и слова человѣческія есть... Говори ты мнѣ скорѣй толкомъ: пустыши ты меня на явленность, или нѣтъ?..

— Я, Катюша, такъ думаю, что щѣхать тебѣ къ Троицѣ совсѣмъ не слѣдѣтъ. Ужъ коли Филаретъ-батюшка взаправду всталъ изъ гроба, а у Троицы объявились не захотѣлъ и уѣхалъ оттуда, то это значитъ, что прославленіе на это мѣсто простираться не будетъ, а явленность объявитъ въ другомъ мѣстѣ и чудеса тоже въ другомъ мѣстѣ окажутся...

— Это что-же, по вашему, совсѣмъ къ Троицѣ не щѣхать?

— Да оно такъ и выходитъ, что совсѣмъ не щѣхать... не статья намъ... А кто его знаетъ, Катюша, можетъ, все это про явленность набрехали, чтобы, значитъ, публику обмануть.

— Это вы на святыхъ старцевъ-то, въ ангельскомъ облике, такая клеветы напущаете!..

— Я, Катюша, собственно не насчетъ святыхъ старцевъ, а мало-ль народу язычнаго.. А бабу, извѣстно дѣло, ничего не стоитъ взбодрѣжитъ, она те на всякий слухъ, очертя голову, что баранъ въ воду, прѣсть... извѣстное дѣло—не разсуждайтъ.. Основательности въ ней никакой нѣтъ...

— А у васъ большая основательность: женѣ въ благочестивомъ дѣлѣ препятствіе поставляетъ, отъ церкви христіанской отвращаетъ...

— Полно не путевое-то говорить... Кто тебя отъ христіанской церкви отвращаетъ? — молись, сколь-

ко душѣ угодно; только бѣда-то вся въ томъ, что тѣбя и пушкой, не то что къ утруни, къ поздней обѣднѣ не пробудиши...

— Вамъ нечего этимъ попрекать. Я и у папеньки съ маменькой всегда въ поддень вставала... Не мужичка какая, чтобы съ пѣтухами подниматься.

— Ну, для Господа-то спозаранку и барынѣ не зазорно вставать, потому не на работу какую... не на поденщину...

— Для Господа и вѣ старости еще много дней останется... Успѣю вѣ старости вдоволь намолиться... Церковь отъ меня не уйдетъ, а я собственно на счетъ явленности...

— А на явленность-то куда-жъ я тебя, матушка, повезу. Сама-жъ говоришь, что Филаретъ теперь вѣ Питерѣ обрѣтается. Ну, если онъ вѣправду всталъ и пошелъ Питеръ посѣтить, то несомнѣнно, что и Москву не оставить своимъ посѣщеніемъ... Дождемся его здѣсь...

— Это что же—по вашему, значить, дома сидѣть, у моря погоды ждать? Оченно вамъ чувствительно благодарна... Вѣ жизнь не видала такой необразованности... Однимъ словомъ, мужикъ символапый, никакого облика купеческаго не имѣется, а еще жену образованную взяли...

— Ну, ты меня необразованностью-то не очень-то вѣ глаза тычи... Еще никто меня, опричь тѣбя, необразованностью-то вѣ носъ не тыкалъ... Слава Богу! не хуже любого фабриканта живемъ; человѣкъ по сорока обѣ иманины за столомъ сидѣть, всѣ какъ боровы упются... Одна только разница и будетъ отъ фабриканта, что кареты да кучера толстобрюхаго не имѣмъ... Ну, и это будетъ...

— Я собственно насчетъ явленности. Всѧ Москва теперь у Троицы, а мы одни съ тобой здѣсь дураками сидимъ, точно совы пучеглазы... Ну, коли любо тебѣ такъ сидѣть, и сиди одинъ, а мнѣ препятства своего не оказывай... Вотъ посмотримъ, что будетъ; такого себѣ сраму наживешь, что бѣда. Заговорятъ при тебѣ образованые люди про явленность, а ты только глазами будешь хлопать, да вѣ затылѣкъ почесывать, словечка сказать не сможешь... То-то стыда будетъ!.. На улицу нельзѧ будетъ показаться!.. Всѧкъ тебѣ вѣ глаза насытятся, всякъ тебѣ вѣ лицо такъ прямо и скажетъ, что вѣ тебѣ самая нецивилизациѣ сидитъ...

— Ой, баба, больно ужъ ты остра на языкѣ стала: подрѣзать бы его маленько!.. Разбаловалъ я тебя, вотъ ты и даешь волю языку своему... Ишь ты мотаешься, словно колокольчикъ неподвѣзанный; а все это съ того, что руки на тебя не налагаю, да взамѣнъ ругательскихъ словъ, гостинцами твою блажь сдобраю, а тебѣ это на руку... А помни я тебѣ хоть разокъ бока, мигомъ съ тебя эта прѣть шальная соскочить, ниже травы, тише воды будешь... хи-хи-хи.

— Что-жъ, вотъ и правда моя, что вѣ тебѣ нецивилизациѣ сидитъ. Тебѣ мало того, что ты же-нѣ свободы не даешь, ухаживанья ей по образованному не оказывашь, тебѣ хотѣлось-бы ее за косы схватить, да трепать, какъ какой базарный торговецъ...

— Ну, до этого еще не дошло. Не трепаль, знать-чть, и толковать нечего...

— Еще бы!.. Если-бѣ хоть разокъ меня тро-пнулъ, такъ я тебѣ такой каверзъ подвела бы, что и не опомнился-бѣ... Сейчасъ возмѹ и наложу на себя руки, разведу въ водѣ сѣрныхъ спичекъ, выпью, и конецъ, а тамъ и убиваѣтъ, какъ знаешь... Я эти дѣла-то знаю, какъ дѣлаются; вѣ газетахъ постоянно обѣ этомъ прописываютъ. Ты

по своей необразованности не читаешь газетъ, а я каждый день цѣлый листокъ отъ начала до конца прочитываю...

— То-то я вижу, что ты газетъ зачиталась, съ того на тебя и фанаберія лѣзеть. Вотъ возьму, да и выведу у себя всѣ газеты, чтобы соблазнъ тебѣ не было.

— Удивительно! Какъ это ты газеты изъ трактира выведешь?.. Да тогда къ тебѣ ни одинъ изъ-вощникъ не пойдетъ чай пить. Ты себя чрезъ то на всю Москву ославишь, всѣ хохотать надъ тобой будутъ, пальцемъ будутъ указывать: „вотъ, дескать, самая необразованность идетъ“... Что смѣху то будетъ!.. Боже!.. Да я сегодня же всѣмъ въ трактире разскажу, что ты ученою убоялся, и газеты всѣ хочешь унижотожить... ха-ха-ха!..

— Ужъ ты такъ и повѣрила, что вза-правду хочу газеты изъ трактира вывести; это я только для острастки тебя такъ сказала... Мы, чай, тоже свою амбицію соблюдаемъ и всякую цивилизацио предъ публикой доказываемъ... И ежедневная и еженедѣльная выписываемъ...

— Вотъ передъ публикой ты доказываешь свою цивилизацио, а передъ женой и думушки нѣть, чтобъ ее доказать... А жена-то у тебя, слава Богу, дама образованная, съ малолѣтства у пашен-кина пріятеля музыкальной игрѣ обучалась, въ клубѣ съ модными кавалерами танцевала и слова разныя на французской манерѣ знаетъ, а для нея одной и не хватаетъ твоей цивилизации...

— Ну, и держитесь за свою необразованность обѣмы руками, срамите себя, а я уѣду...

Слушай, Катюша, а Катюша! ну, ей-Богу же дѣль по горло... вотъ, ей-ей, не можно.. Время нѣть...

— А у мужей образованныхъ завсегда есть время для женъ.. Мужья образованные всякое дѣло, даже самое важное, бросаютъ для женъ; души своей не жалѣютъ, потому что уваженіе къ женскому полу первѣе всего соблюдаютъ... Вотъ, кабы у меня такой мужъ образованный былъ, да я за-нимъ, что у Христа за пазухой, жила-бы.. А теперь что!.. Охъ, я несчастная, горемычная!.. За мужланом замужъ выдали... загубилъ онъ мою молодость, изсушилъ меня своей грубостью, своимъ варварствомъ, неученостью.. Охъ, я бѣдная, сиротинушка безутѣшная!.. Да приди-жь ты, смерть, съ косой острою, подкоси меня, что былинкую одинокую, уложи меня въ яму темную, пусть же плачетъ мужъ, убиваются, истекаетъ весь слезой горькою, безотрадною...

— Полно дурить-то, Катюша!.. Опомнишь.. Какого еще тебѣ рожна надо... Я-ль тебѣ не угодникъ, не баловникъ? Словно дитя малое, по головѣ глажу.

— Да отъ вашего-то глашенія головка къ землѣ клонится, слезы горючія ручьемъ текутъ, сердце отъ муки разрывается. Явленість объявляется, всѣ люди у Троицы, а я тутъ у васъ сижу въ тюрьмѣ, въ кандалахъ, словно каторжница... Хуже спирты казанской...

— Ну, чего ревѣть-то? Катюша! стыдно... Ниши-то образованія дамы ревутъ!.. да гдѣ-жъ это видано... Катюша!.. полно!.. Неровно кто взойдетъ, подумають, что я вздуль тебѣ... поди, разувѣбрѣй тогда!.. шепчетъ надъ ней тревожно-ласковымъ голосомъ мужъ.

Ни единаго слова ему въ отвѣтъ, только рыданія раздаются, но все слабѣй, слабѣй и рѣже... да плечи чуть замѣтно вздрагиваютъ...

Онъ разложилъ передъ ней на столѣ гостинцы и началъ усердно ее упрашивать "покушать".

— Катюша, Катюша, покушай вотъ настѣлки... возьми вотъ кусочекъ въ ротикъ.. такая сладость.. и сердцу пойдетъ, что-о ..

Но гостинцы полетѣли на полъ. Пастыла грузно шлепнулась, изъютъ, орѣхи разсыпались...

— Вотъ такъ образованность! воскликнулъ мужъ, разстопыривъ руки и улыбаясь иронически.. Важно.. важно!.. Нечего сказать, заправская барыня!.. Удержала!.. Мужичка ты, вотъ тебѣ и все... прибавилъ онъ, покачавъ головой... Дарма тратилась, чтобы тебя въ важнѣцкій видъ произвести... Крести чорта, а онъ въ воду лѣзть... Да на тебѣ образованность-то, что на коровѣ сѣдло: трехнула горбомъ, и на бокъ оно... Хе-хе-хе!..

— Ну, а на васъ?!.. чай, и страживать нечего... Туда-же... На себя-то поглядите... поглядите на себѣ!.. проговорила она задыхаясь и блѣднѣя...

— Чего глядѣть-то.. отвѣтилъ онъ не безъ сму-щенія...

— А то... Чай, не забыли свою прошлую жизнь.. Вы здѣсь, въ Москвѣ, морочите всѣхъ, что будто завсегда въ такомъ авантажѣ жили; дураки-то и вѣрятъ вамъ.. ну, а мы кое-что знаемъ и поболѣ...

— Знаешь и знай, тебѣ-же лучше...

— Не было-бѣль вамъ хуже. Я молчала, молчала,

ну, да будеть... Ужъ коли вы стали меня не въ моготу своей необразованности да упреками до-пекать, ужъ и я допеку васъ, да такъ допеку, что тошно станетъ, хоть въ петлю полѣзай... Всю эту вашу жизнь до подноготнаго, по ниточкѣ пе-редъ публикой разведу...

— Молчи, жена! надоѣла... не серди...

— А по мнѣ, серчай, сколько хочешь... Необразованые люди завсегда серчаются... ужъ такъ на роду имъ написано... Мужицкое происхожденіе свое показываютъ...

— А ты ишь-какая дворянка выискалась... по-ди-гляди...

— Мой папенька съ малости въ чиновничествѣ, по писарской части, состоялъ... и лаптей не но-сили...

— То-то и приданаго онъ за тобой навалилъ!... ха-ха-ха, на телушкѣ не увезешь...

— Было-бѣль за кого давать... довольно и того, что жену образованную, во всемъ авантажѣ дали...

— Гм... смиренства въ тебѣ этакого никакого нѣть!.. Никакой благодарности за мужинино добро!...

— Это за что-жъ? за необразованность-то твою; за то, что на явленность меня не везешь?.. Пожди, будешь тебѣ благодарности! Я тебѣ такъ ка-верзъ подведу, что ахти, мое почтеніе!.. Вотъ по-стой, придуль къ тебѣ за приказами половыя, да работники, а я скажу тебѣ при нихъ: „вотъ, Прохоръ Терентьевичъ, давно-ль и ты такимъ работнико-мъ былъ, до девятаго пота работалъ, а хозяева тебя тумаками да ругательскими словами про-бирали..“

— Дура! Тебя-же самое потомъ этимъ всякъ въ глаза ткнетъ.

— А меня-то чего!.. Ткнуть такъ тебя, а не меня; въ моемъ родствѣ не было такихъ моралей... Или вотъ, напримѣръ, придетъ портной сюртукъ тебѣ мѣрить, а я скажу тебѣ при немъ: „чай, Прохоръ Терентьевичъ, тебѣ съ непривычки, послѣ зипуна, неловко въ модномъ сюртукѣ!..“

— Молчи, язычница...

— Или, придетъ сапожникъ мѣрку снимать, а я сейчасъ ему: „вы, господинъ сапожникъ, пошире сѣдѣйте ему сапогъ, потому съ малости въ лап-тихъ-шлепанцахъ привыкъ ходить... модный-то сапогъ ему не въ могути“...

— Я те дамъ лапоть.. Постой!..

— Соберутся гости въ воскресенье, а я и ста-ну при нихъ разводить и то и се: рассказу, что у тебя и пононѣ матъ и сестры въ сарафанахъ въ деревнѣ ходятъ на мужицкому положеніи, а братъ въ посконныхъ рубахахъ сами землю пашутъ, навозъ возятъ... Вотъ и узнаютъ всѣ, что у тебя такие знатные родные, какихъ зазорно и публикѣ показать... пусть тѣшится надъ тобой почтенная публика... Ужъ коли пошло на то, все на ладонѣ вложу; себя не пожалѣю, лишь бы тебѣ порядкомъ досадить...

— А ужъ если такъ, то я, пожалуй, и въ морду заѣду!.. Не замай сердца... проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и, болѣзнью поморщившись, отошелъ на шагъ отъ жены...

— Что-жъ.. усмѣхнулась жена... оно и знатно будетъ при публикѣ!.. По крайней мѣрѣ, никто ужъ сумѣнія моимъ словамъ не дастъ, потому ты самъ свое мужичество подтвердишь.. А ко мнѣ всѣ жалость будуть имѣть: „Жертва, скажутъ, обще-ственного положенія!..“ Теперь все обѣ этомъ расписываютъ по газетамъ... Можетъ, и меня еще для величанія въ газетахъ проинчатаютъ...

— Ты за что-жъ это, жена-злодѣйка, мнѣ под-вожъ такой хочешь подвести и за сердце меня такъ болѣзнью хватаешь, что моготы моей нѣть?..

— За явленность...

— Ну, собираясь, свиньяолосатая, поѣдемъ на явленность!.. проговорилъ Прохоръ Терентьевичъ какимъ-то порывистымъ, не своимъ голо-сомъ, и провѣрь рукой по лбу.

Ему было тяжко. Какая-то горячая, трепетная струя ударила въ виски и разлилась по лбу, темени... Бурный потокъ думъ самыхъ разнообразныхъ, безвязныхъ, проносится въ его головѣ, путается и все сильнѣй и сильнѣй. Кошмаромъ налагается на мозгъ... А гдѣ-то тамъ, въ сердцѣ, сверлить, сверлить немилосердно.. Миные об-разы, нѣкогда страстью любимые, а нынѣ забытые, чужды, отдѣлены отъ него бурной, сверкающей призрачными огнями, пропастью, выпи-вающими изъ глуби его взбудоражившейся души.. Но какіе они неопределенные, безформенные, окутанные сѣроватой дымкой, а между тѣмъ отъ нихъ вѣтъ чѣмъ-то теплымъ, ласкающимъ.. И вотъ, рядомъ съ этими образами, какъ тараканы изъ щелей, ползутъ отовсюду другіе образы, вполнѣ определенные, ясные: въ модныхъ фракахъ, въ белыхъ галстукахъ, въ орденахъ.. кланяются,

разшаркиваются... говорять что-то такое му-дреное, важное, непонятное, и въ тоже время чарующее... И онъ чувствуетъ, что онъ прико-ванъ къ нимъ золотой цѣпью, той цѣпью, изъ ко-торой выстрапилась барикада предъ „давними об-разами“.. И вотъ, эти „давніе образы“ мало по-малу таютъ, расплываются и поглощаются „новы-ми“.. А въ сердцѣ попрежнему что-то назойливо сверлить и сверлить...

— Ну, поѣдемъ.. повторилъ онъ тѣмъ же голо-сомъ... Да смотри ты у меня, кукла чортова, держи свой языкъ поганый за зубами... а то берегись, не ровенъ часъ... онъ остановился и заду-мался, устремивъ взоръ въ пространство.

— Вотъ, кажется, того и гляди, найдется сердце... началь онъ какъ бы самъ съ собой, не отрывая взора отъ пустаго пространства... Возьму, да и сброшу съ себя всю эту цивилизацию... Чортъ ее побери, проклятую! чтобы ей пусто было!.. Что деньжище-то однѣхъ въ нее садишь... да и муки-то сердечной что чрезъ нее примешь.. По ру-камъ, по ногамъ спутаю, по дудѣ чужой пля-шишь, съ кровными, съ матерью родимою, что въ утробѣ тебя носила, разлучаешься, а все чрезъ нее, анафемскую цивилизацию... Чтобы ей ни дна, ни покрышки!..

Онъ помолчалъ немного и снова началъ, все бо-лѣ и болѣе волнуясь:

— Вотъ, теперече такія чувствія пришли къ сердцу, что, кажется, сію-же минуту возьму да и выпишу къ себѣ матъ съ семьей, братьевъ въ при-кацахъ у себя поставлю... Семей, по род-ственному заживемъ, на старомодный манеръ, а твои браслеты съ діамантами и хвости длиные—къ чорту!

— Я, Прохоръ Терентьевичъ, очень то-боѣ довольна... и всякое уваженіе къ тебѣ пол-ностю соблюдаю... заговорила вдругъ жена ско-роговоркой, какимъ-то робко-занискивающимъ то-номъ и окидывая всего мужа тревожно-молящимъ взглядомъ.

При этомъ вся ея миниатюрная фигура, какъ-то съежилась, сжалась и казалась такой жалкой, безпомощной, какъ-будто вотъ-вотъ сейчасъ дверь тюремная захлопнется за нею на вѣки..

— Ты, Прохоръ Терентьевичъ, самъ что-ни-на-есть образованный человѣкъ въ мірѣ, не чета другимъ... Въ тебѣ этой-то цивилизации ужаси-ско сколько!.. Вотъ теперя и на явленность Ѣдешь, и браслету съ діамантомъ покупашь—я ужъ и не знаю, какъ и величать тебя... ше пчѣтъ она пер-рывающимъ голосомъ и ласкаясь къ нему, какъ-котенокъ.. Во всемъ этомъ одна образованность въ тебѣ заморская сказывается...

— Это вѣрно слово... Подлинно заморская... и, я тебѣ скажу, этой прорви во мнѣ, что воды въ рѣкѣ, съ каждымъ часомъ прибываешь...

— А ты, вотъ, затѣялъ эта-кую благодать сбра-сывать съ себя, да на мужицкое положеніе пово-рачивать, да вѣдь тогда все купечество на смѣхъ на-сѧ подниметъ: „вона, скажутъ, не одужили своей цивилизацией, на поинтѣй поворотили...“ Ужъ это, что-жъ такое? совсѣмъ погибельный че-ловѣкъ сталъ... И золотое отличие на шею—поми-най тогда, какъ звали..

— Золотое отличие.. да, золотое!.. Вотъ и его не понѣ, завтра на шею пріѣдимъ.. Будетъ оно здѣсь болтаться... провѣрь онъ рукой по горлу... То-то поважнѣцкому будетъ!.. Молодцы при-дуть поздравлять, по рублю на рѣло дамъ. Пусть ихъ, канальи, въ три погибли сгибаются.. Обѣдъ на 80 персонъ закатимъ.. съ генералами въ ор-денахъ.. Музику зазовемъ, чтобы весь обѣдъ „тушу“ въ мою честь валила... Чортъ побери!.. Доказывать свою цивилизацию, такъ ужъ доказы-вать на всю ивановскую!.. А нонѣ на яв-ленность ма-хнемъ ужъ на самый образованный манеръ, не во второмъ, а въ первомъ классѣ, да еще въ кунѣ.. Знай-же нашихъ!.. По крайней мѣрѣ, не даромъ профемъ.. Молодцамъ велю до вокзала наѣзъ провожать. Пусть видятъ, что въ первый классъ, въ куну, поенеральски затеса-лись.. Э-эхъ-ма!.. Ужъ коли для этой дѣвиль-ской цивилизациіи приходится съ кровными, еди-ноутробными не знаться, такъ ужъ дѣй-же во всѣ-до-латки, что-бѣ хотѣ слава-то про тебя была стопудовая, чтобы на ней хотѣ успокоилась твоя душенька горемычна... Жена, принеси-ка стаканчикъ водки—вина заморского, сполоснемъ сердце... Ишь ты, замутилось все...

Чрезъ два часа, супруги ужъ Ѣхали на явлен-ность „по образованному.“

E. Некрасова.

Редакторъ-издатель И. В. ПИТОЕВЪ.